

НАУЧНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РОССИЙСКОГО БИОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: КОНЦЕПЦИЯ ОРТОБИОЗА И.И. МЕЧНИКОВА

© 2015 В.Н. Засухина

Ключевые слова: биоэтика, ортобиоз, жизнь, здоровье, старость, старение, смерть, инстинкт естественной смерти, инстинкт жизни, полноценная жизнь, страх перед смертью, насыщенность жизнью

Аннотация: В статье анализируется концепция ортобиоза, разработанная русским ученым и мыслителем И.И. Мечниковым, осмысляемые в ней проблемы жизни, здоровья, старения, смерти и др. По мнению автора, ключевыми для данной концепции являются следующие понятия: инстинкт естественной смерти, инстинкт жизни, полноценная жизнь, страх перед смертью, насыщенность жизнью. Основной вывод данного исследования состоит в утверждении, что концепция ортобиоза может быть рассмотрена как одна из предпосылок формирования российского типа биоэтики.

Введение

С 80-х годов XX века в нашей стране начался процесс осмысления и проговаривания проблем, связанных с необходимостью социальной и нравственной оценки возможных последствий научно-технического прогресса, в том числе открытий, сделанных в биомедицинской сфере. А в 90-е появился и стал активно использоваться пришедший из американской науки термин «биоэтика». В настоящее время мы можем уверенно говорить о расширении и углублении российского биоэтического дискурса. Традиционные для данной науки проблемы, сформулированные еще американской и европейской биоэтикой, дополняются проблематикой, характерной для социокультурной действительности России, а их анализ осуществляется с учетом того интеллектуально-духовного багажа, который накоплен отечественной научно-философской мыслью.

Такие русские ученые-мыслители как М.В. Ломоносов, Н.И. Пирогов, И.М. Сеченов, Д.И. Менделеев, К.А. Тимирязев, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, И.И. Мечников, внесшие неоценимый вклад не только в науку, но и в

философию, могут быть рассмотрены нами как предтечи российского типа биоэтики, для которого исторически и культурно обусловленной является необходимость актуализации проблемы ценностного отношения к жизни и здоровью человека.

Мы остановимся на взглядах гения русского естествознания И.И. Мечникова. Этот ученый является первооткрывателем многих научных направлений, из которых наиболее интересной с точки зрения биоэтики представляется концепция ортобиоза.

Все свои знания и научные изыскания Мечников подчинял задаче познания «человеческой природы» и поиску путей ее совершенствования. Этому он посвятил целый ряд работ, например: «Воспитание с антропологической точки зрения» (1871), «Возраст вступления в брак» (1874), «Антропология и дарвинизм» (1875), «Очерк воззрений на человеческую природу» (1877), «Закон жизни» (1891). Наиболее ярко и полно все поиски и открытия Мечникова, сделанные им на стыке биологии, медицины и философии, синтезировались в его книгах «Этюды о природе человека» (1903), «Этюды оптимизма» (1907) и «Сорок лет исканий рационального мировоззрения» (1913). Указанные труды стали важным этапом не только для естественнонаучных исканий ученого, но и создали платформу для становления новой для того времени науки – антропологии. Мечников постоянно подчеркивал, что самая большая ценность на земле – Человек. Несомненно, что процесс антропологизации научного знания в XX веке стал одной из главных предпосылок для возникновения биоэтики. Указанные произведения выдержаны Мечниковым в оптимистичных тонах: речь в них идет о возможности корректировки несовершенной природы человека. По сути это трактаты «о человеческой природе и о средствах изменить ее с целью достижения наибольшего счастья» (Мечников 1988: 5) и полноценной жизни – данная установка является ключевой для концепции ортобиоза.

Сам Мечников определял ортобиоз как теорию «научной гигиены» или «научной нравственности». Успешная реализация ортобиоза, по его словам, есть «истинная цель человеческого существования» (Мечников 1914: 26). Он отводит ей главное место в прикладной этике, той ветви знания, которая, по его убеждению, учит людей, как следует жить, чтобы укрепить свое здоровье и продлить жизнь. В качестве одного из источников этой теории он называет возникшее еще в древности учение – «метриопатию» (от греч. *metrios* – имеющий надлежащую меру, и *pathos* – страсть, то есть буквально «обуздание страстей»), которое занималось исследованием цели нравственной жизни, сообразной с человеческой природой. Оно, как

отмечает Мечников, было принято большим числом мыслителей, но по-разному интерпретировалось сначала стоиками и эпикурейцами, потом христианами, затем представителями эпохи Возрождения и Нового времени вплоть до XIX века. В соответствии с ним понимание добродетельного включает в себя все направленное на достижение человеческого блага.

Целью ортобиоза, по словам ученого, является восстановление «правильной эволюции человеческой жизни», то есть превращение ее «дисгармонии в гармонию». Ортобиоз – это, по сути, теория «новой нравственности», основанной «не на извращенной человеческой природе, какова она теперь, но на идеальной, т.е. такой, какой должна она стать в будущем» (Мечников 1961: 236).

Идеал ортобиоза заключается в развитии человека с целью достижения бодрой и деятельной старости, а также в нормальной эволюции чувства жизни, приводящего в конечном итоге к развитию чувства насыщенности жизнью и желанию смерти, которая не страшит, а воспринимается совершенно спокойно.

Вопросы старения и смерти вообще занимали значительное место в трудах Мечникова. В тот период, когда он разрабатывал концепцию ортобиоза, в Западной Европе начинался процесс старения населения, еще не осознанный современниками, но уже подмеченный русским ученым. Он раньше других увидел эту проблему и стал основоположником научной геронтологии, которая изучает старость с целью сделать ее более безболезненной и достичь максимального долголетия.

По мнению ученого, старость и смерть часто наступают у человека преждевременно. Бессилие и страх перед болезнями, старостью и неизбежной смертью порождаются дисгармонией нашей природы, которая может быть устранена, благодаря нравственности и активной саморегуляции – именно так может быть достигнута основная цель человеческого существования: бодрое настроение, долгая и плодотворная жизнь, безбоязненная смерть. Все усилия, считал ученый, должны быть направлены на продление жизни, а не старости. Но полноценное долголетие может быть достигнуто только при одном условии: если человек начнет относиться к жизни и здоровью творчески и заинтересованно. Человек должен не просто жить, он должен чувствовать насыщенность жизнью и получать от нее удовлетворение. Таким образом, главной ценностью в рамках концепции ортобиоза провозглашается полноценная жизнь.

Победа над старостью и достижение полноценной жизни как цель ортобиоза

Для реализации ортобиоза, как отмечает ученый в «Этюдах о природе человека», необходимо изменить человеческую природу. Изменение человеческой природы предполагает борьбу со старостью, а вернее превращение старости из «доживания» в социально активный, то есть творческий и производительный жизненный этап. В его работе «О старости» есть любопытное замечание, что интерес и ценность представляет не собственно долголетие, а то, насколько долго человек сохраняет физические силы и ясность ума (Мечников 1988: 20–50). Для того, чтобы сохранить здоровье и бодрость до глубокой старости, нужно вскрыть биологические резервы организма и управлять процессами старения. Изменение человеческой природы должно быть сообразно идеалу гармонического функционирования всех органов – идеалу, который передан нашим временам из древности. Необходимо вскрыть потенциал к развитию, глубоко скрытый в природе человека. На это способна только воля человека. То есть решающими факторами, способствующими реализации ортобиоза, являются те, которые формируются и контролируются самим человеком.

Ученый уверен, чтобы продлить работоспособный возраст и как можно дольше избегать того состояния, когда человек нуждается в помощи, необходимо изучать старость методами точных наук. Именно поиск способов освобождения людей от трагедии ранней старости и увядания, а также возможностей исчерпать резервы организма до конца, увеличив сроки полнокровной жизни, составляет главную цель науки.

По глубокому убеждению Мечникова, человеческая старость имеет «патологический характер» (Мечников 1961: 227). Это болезнь, которую рано или поздно ученые научатся лечить, как и всякую другую. Мечников сравнивает бессилие современной ему науки перед старостью с тем бессилием, которое испытывали некогда врачи перед болезнью детей при прорезывании зубов. Ее, пишет он, считали неизбежным страданием, против которого ничего нельзя, да и не нужно предпринимать, теперь же известно, что это – всего лишь инфекционная болезнь, вполне преодолимая медицинскими средствами (Мечников 1961: 9).

Ученый отмечает, что старость имеет много общих черт с болезнью: и первое, и второе является следствием того, что от природы человек несовершенен: «Человек, в таком виде, в каком он появился на земле, есть существо ненормальное, больное ... природа дурно создала человека» (Мечников, 1914: 316). Именно в этом, по его словам, кроется причина

естественного чувства отвращения, которое испытывает человек к старости, чувства, которое усиливается с возрастом. На уровне инстинкта мы ощущаем, «что старость включает в себе нечто ненормальное..., ошибочно смотреть на старость как на физиологическое явление..., принимать старость за нормальное явление можно лишь постольку, поскольку можно принимать за нормальное явление родовые боли... . В обоих случаях, мы, конечно, имеем дело с патологическими, а не с чисто физиологическими явлениями. Подобно тому, как стараются смягчить или устранить боли роженицы, так естественно стремиться устранить зло, приносимое старостью. Но во время родовых болей достаточно применить анестезирующее средство, между тем как старость – хроническое зло, против которого гораздо труднее найти лекарство» (Мечников 1961: 201).

Мечников анализирует естественные причины разной продолжительности жизни живых существ, начиная с примитивных и заканчивая человеком. Основываясь на различных примерах долгожительства в истории, ученый приходит к выводу, что человек запросто может прожить до 140 лет и более. А уж 100-летний возраст, по его убеждению, даже и удивлять никого не должен: «Преувеличивают ли, приписывая Мафусаилу 963 года, а Ною – 595 ... в некоторые библейские эпохи люди жили еще больше, чем теперь: это не должно казаться нам особенно удивительным», – пишет он в работе «Введение в научное изучение старости» (Мечников 1961: 212).

Ученый выявляет большое количество факторов, которые влияют на продление жизни. Он подчеркивает роль естественных условий и причин: наследственность, природное окружение, разные физиологические характеристики, качество пищи и др. Пишет: «несомненно, что здоровое сложение, простой и умеренный образ жизни благоприятствуют долговечности» (Мечников 1988: 88). Но естественные факторы, кажущиеся на первый взгляд определяющими в продлении жизни человека, часто оказываются нивелированными чем-то более существенным. Мечников приводит достаточно примеров, доказывающих, что люди могут доживать до глубокой старости при таких обстоятельствах и таких условиях (болезни, тяжелая работа, курение, неумеренное употребление спиртных напитков и кофе), при которых это кажется невозможным. На основе вышеизложенного ученый делает вывод, что здоровье и долголетие далеко не всегда естественно обусловленные, но часто социально приобретенные качества.

Много внимания в своих исследованиях Мечников уделяет способам продления жизни. План защиты организма от преждевременного старения сводится им, по сути, к изысканию способов либо усиления «благородных

тканей» в их способности защищаться от агрессивных соединительных элементов, либо способов ослабления фагоцитарной функции последних. Он уверен, что достичь этого возможно не только средствами науки, но и правильным образом жизни, привычку к которому воспитывает в человеке его социокультурное окружение.

Решительную роль в продлении жизни играют «общие гигиенические меры» (Мечников 1988: 133). Необходимо следить за состоянием здоровья и своевременно прибегать к медицинским средствам, а также быть умеренным в еде и других физических удовольствиях. Кроме этого, необходимыми условиями долголетия являются ежедневные физические упражнения, гимнастика дыхания, чистый воздух, прогулки пешком, особенно в гору. К этому следует добавить – ранний подъем и продолжительность сна не более 6–7 часов, ежедневная ванна или обтирание, правильный труд и обязательные умственные занятия. Следует избегать спиртных напитков, возбуждающих средств, наркотических и анестезирующих веществ.

Ученый утверждает, что для здоровья вредны страсти, например, «сильный гнев часто вызывает разрыв сосудов, сахарную болезнь, а иногда даже развитие катаракты» (Мечников 1988: 266). Поэтому страсти должны быть обуздываемы в интересах лица, имеющего к ним склонность. Сохранению здоровья и долголетию способствует не страстность и нервное беспокойство, а жизнерадостность, спокойствие души и оптимистическое воззрение на жизнь.

Не может быть идеалом здоровья безболезненное и хорошо отлаженное функционирование органов – огромное значение имеет нравственное и социальное состояние личности. Поэтому возможные пути решения проблемы продления человеческой жизни Мечников видел так же и в том, чтобы изменить существующие нравы, например, устранить в обществе крайности богатства и бедности, которые являются причиной многих страданий. Роскошь разрушает здоровье человека пресыщающими обедами, бессонными ночами, проведенными в увеселениях, и т.д., – все это способно сильно нарушить правильную деятельность органов. Бедность не менее вредна для здоровья: подрывающий человеческие силы тяжелый труд и плохие условия жизни, невозможность качественного питания и отдыха, недоступность медицинского обслуживания и соблюдения элементарных гигиенических мер.

Ученый указывает на необходимость нравственного и медицинского просвещения в вопросах сексуальной гигиены. Большое значение, по его мнению, имеет борьба с инфекционными заболеваниями, особенно с таким

страшными как сифилис: «...следует, елико возможно, распространять медицинские сведения о венерических болезнях. Для этого нужно преодолеть столь укоренившийся предрассудок скрывать все, что касается половой жизни. Серьезное воспитание должно, наоборот, делать по возможности общедоступным все, что способно предохранить людей от столь страшного бича, каким является сифилис» (Мечников 1988: 137). С одной стороны, недопустимо лицемерно умалчивать о проблемах, возникающих в сфере интимной жизни человека, с другой стороны, эта сфера должна быть подчинена высоким моральным принципам.

Мечников, как мы видим, обращается к социально-гигиеническим аспектам старения человека и продолжительности его жизни; со всей полнотой и всесторонне обосновывает зависимость этих процессов от условий и образа жизни людей. Кроме того, он выступает против антигуманного отношения к старости. «Следует ли пытаться продлить человеческую жизнь?» – так называется одна из частей его книги «Этюды оптимизма» (Мечников 1988: 128–166). Действительно, стоит ли искусственно делать жизнь стариков длиннее, ведь это очень затратно: содержание в богадельнях, лечение, уход, пенсии – все это требует значительных расходов? Подобные сомнения были бы справедливы в том случае, если бы речь шла только о продлении жизни стариков без изменения качества самой старости. «Но само собою разумеется, что продление жизни должно идти рука об руку с сохранением сил и способности к труду», – пишет Мечников (Мечников 1988: 129).

Ученый предполагает, что долгая жизнь раскрывает творческий потенциал и способствует передаче богатого опыта: «Нужно сделать все возможное для того, чтобы люди могли провести полный цикл своей жизни, и чтобы старики могли выполнить столь важную роль советников и судей, благодаря их большому знанию жизни» (Мечников 1988: 130). Пример гетевского Фауста является иллюстрацией: «удовлетворив стремления личной жизни, он посвящает остаток дней своих на благо человеческое; достигнув столетнего возраста, он умирает с чувством высшего блаженства, и даже почти можно сказать, что он обнаруживает при этом инстинкт естественной смерти» (Мечников 1988: 252).

Понятие инстинкта естественной смерти, о котором идет речь в приведенной цитате, является одной из важнейших категорий в рамках рассматриваемой нами концепции. Формирование данного инстинкта, предваряемое преодолением страха перед смертью и приводящее к возникновению и развитию инстинкта жизни, Мечников рассматривает как важнейшие факторы реализации ортобиоза.

Устранение страха перед смертью и формирование инстинкта жизни как факторы реализации ортобиоза

Мечников пытается решить, по его же словам, «задачу смерти» (Мечников 1961: 111), которой во все времена были очень заняты и философия, и литература, и все религии мира: «Страх смерти должен был с незапамятных времен озабочивать людей» (Мечников 1914: 269). Но решение этой задачи может осуществить только наука, которая способна научить людей жить, сообразно принципам ортобиоза, и доводить жизнь до того момента, когда не будет страха перед неизбежностью конца, и в человеке разовьется инстинкт естественной смерти. Таким образом, сознание неизбежной смерти, которого нет у животных, и которое делает нас несчастными, благодаря науке, становится злом поправимым.

Ученый полагает, что инстинктивное желание умереть должно быть подобно инстинктивной потребности отдыха во время сна. При этом важно понимать, что мы «имеем здесь дело с инстинктом естественной смерти» (Мечников 1988: 113), и речь не идет о смерти, которая вызвана болезнью или насилием. Потребность человека умереть может возникнуть только после полноценной и продолжительной жизни. «Инстинкту смерти» предшествует равнодушное к ней отношение. Иными словами, человек должен ее не бояться, а воспринимать как закономерный итог своего существования, в процессе которого он полностью реализовался.

Восприятие смерти как закономерного и естественного завершения долгой полнокровной жизни, как отмечает ученый, можно встретить в Библии: «Вот как описана смерть некоторых патриархов. Жизнь Авраама длилась 175 лет. Утратив силы, он умер в счастливой старости, старцем и насыщенным своими днями. Исаак жил 180 лет. Утратив силы, он умер стариком и насыщенным жизнью. Иов жил 140 лет. Он увидел сыновей своих и сыновей их до четвертого поколения. Затем он умер старым и насыщенным жизнью» (Мечников 1961: 228–229). Как подчеркивает Мечников, чувство, выраженное понятием «насыщение жизнью», есть не что иное как «инстинкт естественной смерти», который так странно звучит для человека нынешней эпохи, но был достаточно хорошо развит у праведников древности, образ жизни которых позволял им доживать до глубокой старости вполне сохранившими здоровье, рассудок и жизненные силы.

Инстинкт смерти ни в коем случае не следует понимать как враждебный жизни. В нем нет ничего витально-деструктивного. Он совсем не родственен

таким «дисгармоническим инстинктам», как уклонение человека от необходимости размножаться, инстинкт, заставляющий мать съесть своих детенышей или насекомых бросаться в огонь – эти инстинкты вредны, как для отдельной особи, так и для всего вида. Инстинкт же естественной смерти, как пишет Мечников в статье «О старости» может только способствовать сохранению как индивидуальной, так и видовой жизни (Мечников 1988: 90–128).

Когда человек в полной мере осознает, что целью его существования является естественная смерть, связанная с инстинктом, похожим на потребность уснуть, то он одержит победу над одной из главных бед человечества – пессимизмом. Пессимизм подавляет инстинкт жизни, побуждает к самоубийствам и воздержанию от размножения. А инстинкт естественной смерти никогда не может быть основой самовольного ухода из жизни или отсутствия желания продолжать человеческий род.

Теме пессимизма у Мечникова посвящено множество страниц его произведений, но, пожалуй, главной его работой по этой теме является «Пессимизм и оптимизм». В ней в частности указывается на то, что «в пессимистическом мировоззрении существенную роль играет сознание краткости жизни» (Мечников 1988: 208), которое лишает человека радостного восприятия жизни, отнимает силы и лишает активности. В результате человек становится пассивным и равнодушным, болезненным и раздражительным, и т.п., а иногда и убивает себя. Пессимизм очень опасен для общества и человека. Он является одним из главных препятствий для реализации ортобиоза.

Исследование пессимизма и пессимистических основ самоубийства было очень актуально для современного Мечникову общества. В Европе и России «мода» на «отсутствие смысла жизни» и «усталость от жизни» в конце XIX – начале XX веков стала распространяться в разных слоях общества, достигая уровня социальной эпидемии. Философия пессимизма была популярна тогда благодаря творчеству Байрона, Гете, Гартмана, Шопенгауэра. Мечников противопоставил ей свою философию оптимизма, в которой определяющей стала концепция полноценной старости и долголетия. Интересно указание ученого на то обстоятельство, что авторами почти всех пессимистических теорий были молодые люди. В качестве примера он приводит Будду, Байрона, Леопарди, Шопенгауэра, Майлендера, Метерлинка, Гете. Но, замечает Мечников, будучи пессимистами в юности многие из них сделались оптимистами в зрелом возрасте (при условии, что они дожили до этого возраста). В этом он ссылается на биографию Гете, который и своего Фауста

заставил прожить сто лет. «Быть может, он и для себя рассчитывал на такой же предел. Хотя он и не достиг этого возраста, но он приблизился к нему после крайне деятельной жизни, которая может служить драгоценным поучением для потомства» (Мечников 1988: 239). Анализ «Фауста» становится у Мечникова способом изучения той роли, которую пессимизм и оптимизм играют в реализации ортобиоза. В то же время ученый берется решить весьма интересную филологическую проблему: спорит с часто выражаемой точкой зрения, будто обе части этого произведения представляют собой два совершенно независимых произведения. Мечников выражает уверенность, что они, напротив, только дополняют друг друга: в первой перед читателями предстает готовый к самоубийству молодой пессимист, полный страсти и ни перед чем не останавливается для ее удовлетворения, а во второй части он уже старый зрелый человек, мудрый и опытный, а главное – оптимист (Мечников 1988: 224–253).

Устранение страха перед смертью и формирование оптимистичного мировосприятия и мировидения способствует возникновению и развитию инстинкта жизни (Мечников называет его также чувством жизни). Он входит в число таких инстинктов, которые обнаруживаются только в исключительных случаях или в результате специальных упражнений. Этот инстинкт развивается поступательно, проходя через все формы живых существ, начиная с самых низших, и до человека, в котором выражен наиболее полно. Представляет собой «высшую степень гармонического развития» (Мечников 1961: 106).

У некоторых людей «чувство жизни» развито слабо и в большинстве случаев обнаруживается поздно. При нормальных условиях жизни этот инстинкт недостаточно обнаруживается в молодости: «Поэтому юноши часто рискуют жизнью из-за незначительных причин; не заботясь о последствиях своих поступков, они делают всякие неосторожности, способные отразиться на здоровье и жизни. Часто в основе их поступков лежат очень возвышенные мотивы, но еще чаще они тратят силы на удовлетворение какого-нибудь инстинкта низшего порядка. Молодость – возраст самых бескорыстных жертв, но также и разнообразных злоупотреблений – алкоголем, половыми отправлениями и т. д.» (Мечников 1961: 108). Бывает, что «инстинкт жизни» появляется и в более раннем возрасте, но под влиянием какой-то смертельной опасности, например, болезни. Случалось, что он внезапно пробуждался у человека при попытке самоубийства и заставлял, искать способы самоспасения.

«Чувство жизни» поддается развитию, поэтому ему надо уделять внимание в процессе воспитания. Он развивается с годами, а вместе с этим сходит на нет желание уйти из жизни. Чем старше человек, тем сильнее у него желание жить. И это очень важно, так как способствует активной, творческой старости.

Важную роль в реализации ортобиоза Мечников отводит науке. Благодаря ее достижениям, уже в недалеком будущем будут преодолены такие беды человечества как невежество, болезни, старость, страх перед смертью и созданы условия для максимального раскрытия потенциала жизненных сил и возможностей человека.

Функции науки в реализации ортобиоза

Интересно заметить, что в качестве главного источника нравственности ученый не называет ни этику, ни религию, ни общественную мораль, а естественные науки. В своем произведении «Наука и нравственность» он утверждает, что научное образование настолько необходимо для нравственного поведения, что невежество следует относить к наиболее безнравственным явлениям. Так мать, по невежеству прививающая своему ребенку принципы, которые способны навредить его здоровью, ведет себя безнравственно, несмотря на свою любовь. То же самое можно сказать и относительно правительства, которое игнорирует законы, способные направлять жизнь людей в сторону наибольшего процветания и благополучия.

Подчеркнем, что Мечников, говоря о науке как об основе нравственности, имеет в виду не только доктринальную науку, заключенную в книгах: «Не в учебниках ботаники почерпнули Римпау и Бербанк все свои знания» (Мечников 1988: 272). Помимо книжного знания, для успешного управления жизнью необходимы также практические навыки. Например, врач, который только что окончил медицинский факультет, несмотря на свою образованность, еще недостаточно подготовлен для врачебной деятельности – для этого ему нужен многолетний опыт в лечении больных. То же самое можно отнести и к практическому применению нравственных норм и принципов, считает Мечников. «Подобно тому как для осуществления своего идеала Римпау и Бербанк, прежде всего, должны были хорошо ознакомиться с природой растений, так точно идеал нравственного поведения, прежде всего, требует разнообразного и глубокого знания. Для этого недостаточно знать строение и функции человеческой машины: надо еще иметь точные сведения об общественной жизни человека» (Мечников 1988: 271).

Ученый категорически не согласен с утверждением, что медицина будто бы ослабляет человеческий род. Якобы, благодаря научным достижениям, она, с одной стороны, способствует производству слабого потомства, с другой стороны, сохраняет больных и имеющих наследственные недуги. В работе «Следует ли пытаться продлить человеческую жизнь» Мечников аргументировано опровергает это обвинение: во-первых, среди физически слабых, которым медицина помогает выжить много одаренных, которые способствуют развитию культуры и цивилизации, а во-вторых, наука с помощью медицины и гигиены имеет все возможности в будущем исправить эту ситуацию вообще и победить все болезни и старость.

Мечников верит в реализацию гуманистических функций науки. Он не сомневается, что цивилизационный прогресс будет неизбежно сопровождаться уменьшением великих бедствий человечества и, в конце концов, приведет к их полному исчезновению. Но для того, чтобы наука имела право претендовать на роль этического гаранта, нужно преодолеть многие моральные противоречия, которые существуют внутри самой науки, прежде всего медицины.

В уже названной работе «Наука и нравственность» Мечников указывает на те сферы медицины, в которых решение нравственных задач представляется наиболее болезненным и сложным. Ученый показывает «какая путаница царствует в нравственных понятиях» (Мечников 1988: 254). Именно поэтому, утверждает он, общество не может выработать общего мнения относительно многих и многих вопросов, касающихся этических аспектов науки. На нескольких примерах Мечников демонстрирует примерный алгоритм решения таких вопросов. Главным критерием определения моральной допустимости-недопустимости того или иного научного исследования или метода он считает благо человека. А главным гарантом человеческого блага называет науку. Таким образом, этически приемлемым, по его мнению, является все, что способствует научному прогрессу, но только в том случае, если этот прогресс имеет в себе цель достижения полноценной жизни и долголетия. Нравственно допустимой Мечников считает, например, вивисекцию животных. «Совершенно ясно, что вивисекция вполне допустима при изучении жизненных процессов, так как она одна позволяет науке делать серьезные шаги вперед» (Мечников 1988: 255).

Еще проще, по мнению ученого, решается проблема нравственного оправдания поисков лекарства от сифилиса (заметим, что этот вопрос активно обсуждался современниками Мечникова). Обсуждение сводилось к следующему: с одной стороны, лечение этой болезни спасает людей, с

другой – снимает страх перед нею и тем самым способствует распространению разврата. Для ученого же этот вопрос совершенно ясен: «В то время как при вивисекции мы имеем дело с действительным страданием, причиняемым животным, в предупреждении сифилиса дело сводится к более или менее непрямому и очень проблематическому злу. Внебрачные сношения облегчаются возможностью предохранения от заразы. Но если сравнить вытекающее отсюда зло с огромным благодеянием от избавления множества невинных существ от сифилиса, то легко понять, в какую сторону склонится чаша весов. Поэтому возмущение людей, протестующих против изыскания предохранительных средств, никогда не будет в состоянии ни остановить рвения исследователей, ни помешать употреблению этих средств. Пример этот еще раз показывает, как необходимо рассуждение в большинстве нравственных вопросов» (Мечников 1988: 255). Эти рассуждения ученого созвучны одному из основополагающих принципов биоэтики – провозглашение блага человека является высшим критерием нравственности.

Нравственность, основанную на науке, Мечников называет рациональной. По его мнению, это нравственность будущего. Ученый противопоставляет ее практически всем известным на тот момент этическим теориям: интуитивной этике, этике утилитаризма, деонтологической этике Канта, эволюционной этике Спенсера, которые дают обществу достаточно «ускользающие» основания нравственности. Более верный способ – «обратиться к результатам поступков» (Мечников 1988: 257). Удивительно, пишет ученый, но «ввиду огромной сложности жизненных явлений случается, что дурные поступки иногда приносят обществу больше пользы, чем поступки, внушенные самыми благородными чувствами» (Мечников 1988: 258). «Между тем ... добро часто идет вразрез с интересами общества. Очень часто добрый человек приносит больше зла, чем добра.... Влекомый потребностью к альтруизму, человек необдуманно рассыпает свои щедроты, и это приводит только ко злу, как для ближних, так и для него самого» (Мечников 1988: 257). Например, борьба с вивисекцией, порожденная самыми благими намерениями, способна надолго затормозить развитие науки. Беда в том, что благие намерения основаны на весьма абстрактных идеалах и принципах, которые далеки от понимания того, что составляет действительную необходимость. Таким образом, главная цель этики, по мнению Мечникова, – служение жизни (БИО), то есть буквально: этика должна стать этикой жизни или БИО-этикой.

Ученый выражает уверенность, что в борьбе с социальным злом надежды возлагать следует, прежде всего, на научный прогресс. В своей статье «Чего может достигнуть наука в борьбе с болезнями» он спорит с Л. Толстым, Э. Гартманом и другими критиками научного прогресса, провозгласившими в начале XX столетия «банкротство науки» (Мечников 1961: 180; Мечников 1914: 316). Но ведь существование науки – относительно короткий отрезок времени, а бедствиям человечества тысячи лет. Уже Будда, пишет Мечников, более чем за 2000 лет до возникновения науки сформулировал в своей Бенаресской проповеди: рождение – страдание, старость – страдание, болезнь – страдание, смерть – страдание. Наука медленно, но неуклонно, следуя от частного к общему, приступает к преодолению наименее трудного из четырех страданий – болезни. Победа науки над великими бедствиями человечества: старостью, болезнями – дело времени. Рано или поздно наука устранит все эти бедствия и тогда уже «можно будет не трепетать за здоровье и благополучие близких, тогда собственная жизнь станет протекать нормально, человек подыметься на более высокую ступень и легче, чем теперь, отдастся служению самых возвышенных целей» (Мечников 1914, 26).

Справедливости ради заметим, что то состояние науки, которое наблюдал Мечников, не вселяло в него оптимизма. Ее загнанное и угнетенное положение он описывал так: «В России на кафедрах хорошие чиновники предпочтительнее самых выдающихся ученых», «со стороны молодежи обнаруживалось ... пренебрежение к науке» (Мечников 1988: 6). Удивительно, насколько актуальны эти слова в настоящее время.

Ученый ушел из жизни в 1916 году. Он не увидел всех тех ужасов, которые произошли с его Родиной после революции 1917-го, в частности того, какие тяжелые испытания выпали на долю российской науки. Но вряд ли мы можем сказать, что в настоящее время в нашей стране созданы достаточные условия для реализации средствами науки и медицины принципов ортобиоза. Не имеем мы для этого и соответствующей социальной базы. Признаем, что как для начала XX века, так и для начала XXI-го, данная концепция остается наукой будущего.

Зададимся вопросом, почему Мечников обращается от биологической проблематики к темам, имеющим, помимо естественнонаучного, еще и общественное значение. Заняться этими темами ученого заставила реальность. В России в это время наблюдался высокий процент смертности. Особенно высокой была детская смертность. Продолжительность жизни в сравнении с развитыми странами Европы оставляла желать лучшего. Таким образом, научные изыскания ученого были очень актуальны. Он был

неравнодушен к судьбе своей Родины и верил, что его труды помогут ей преодолеть многие общественные проблемы и улучшить жизнь людей.

Большая заслуга ученого состоит в том, что он вывел проблему изучения старости и продолжительности жизни человека из традиционной медико-биологической плоскости на более широкий путь исследований, соединяющих естественнонаучное и социальное. По убеждению Мечникова, для понимания сущности человека и его жизни социальные знания необходимы не меньше, чем естественнонаучные. Согласимся с ученым в том, что человеческую жизнь следует рассматривать в единстве антропо-биологических, физических, психосоматических, этических и общественных факторов, поскольку чисто биологическое понимание не отражает всей ее сущности, выявление которой возможно только с помощью таких понятий как счастье, справедливость, творчество, знание.

Таким образом, в концепции ортобиоза мы видим соединение социально-гуманитарного и естественнонаучного в решении вопросов, связанных с жизнью и смертью, здоровьем и благополучием человека – тенденция, являющаяся одной из ведущих в формировании научно-философского контекста биоэтики.

Библиография:

Мечников, И.И. (1914) Сорок лет исканий рационального мировоззрения. М.: Научное слово, 336 с.

Мечников, И.И. (1961) Этюды о природе человека. М.: Изд-во Академии наук СССР, 290 с.

Мечников, И.И. (1988) Этюды оптимизма. М.: Главная редакция литературы на иностранных языках. Изд-во «Наука», 328 с.